

П.Н. Краснов

**От двуглавого орла к
красному знамени; 1894-1921**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Н. Краснов**
От двуглавого орла к красному знамени; 1894-1921: Том 2 / П.Н. Краснов –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 670 с.

ISBN 978-5-517-98381-7

ISBN 978-5-517-98381-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

никомъ, жандармскимъ офицеромъ, мѣшкомъ одѣтымъ на голову и заранѣе для еще живого человека заготовленнымъ гробомъ. Была въ нѣмомъ отчаяніи застывшая мать и Николай, смотрѣвшій на казнь равнодушными, любопытными глазами. Было раннее утро и прекрасное наглое солнце, поднимавшееся изъ за каменныхъ стѣнъ.

Послѣ этого въ его мозгу случился какой то сдвигъ. Онъ хорошо учился въ гимназій, но былъ заподозрѣнъ въ какой то исторіи, арестованъ, бѣжалъ за границу и сталъ политическимъ эмигрантомъ.

Если бы у него не было средствъ и онъ принужденъ былъ бы много работать для того, чтобы существовать можетъ быть его умъ и устоялъ-бы. Но онъ былъ достаточно богатъ, купилъ себѣ виллу, сталъ заниматься самообразованіемъ, много читать, много думать. Образъ брата, наканунѣ смертной казни, рыдающая, растерянная мать, бьющая лбомъ о полъ въ маленькой комнатѣ крѣпостного каземата, офицеръ въ синемъ сюртукѣ, мрачно стоящій въ углу, не шли у него изъ памяти. Сначала просто хотѣлъ мстить по человѣчеству, но кому мстить? Государю, судьямъ, тѣмъ, кто составлялъ законы, палачу, священнику, который въ послѣднюю минуту сунулся къ его брату и котораго братъ гордо прогналъ, жандармскому офицеру, свидѣтелю униженія его матери, или конвойнымъ солдатамъ—всѣ были дѣйствующими лицами страшной казни его брата, всѣ преслѣдовали его распаленное воображеніе и никто по существу не былъ виноватъ, потому что каждый исполнялъ только свой общественный долгъ. Значить, думалъ Николай Ильичъ, надо мстить всему обществу, надо создать совершенно иныя условія жизни, такія, при которыхъ не нужно было бы ни казней, ни палачей, ни всѣхъ ихъ аксессуаровъ.

Въ заграничномъ уединеніи онъ прочелъ Марк-

са. Мало того, что прочесть — изучилъ и выучилъ его наизусть.

Тяжелое ученіе нѣмецкаго философа онъ принялъ, какъ истину, какъ откровеніе. Ему ясно стало, что надо дѣлать. Подобно большинству революціонныхъ эмигрантовъ онъ сказалъ: — «долой самодержавіе», но почувствовалъ, что за этимъ «долой» слѣдуетъ еще масса другихъ «долой». Умъ его понималъ, что все отрицать только теоретически, это бесполезное занятіе, нужно вступить въ борьбу со всѣмъ тѣмъ, что онъ считалъ неправильнымъ въ жизни и побѣдить. Людей онъ ненавидѣлъ и презиралъ. И раньше, еще мальчикомъ въ гимназій, онъ былъ неподимъ, чуждался товарищей, былъ гордъ и упрямъ. То, что онъ пережилъ въ день казни брата заставило его совершенно иначе подойти къ вопросу о жизни и смерти. Онъ видѣлъ своего брата гордаго, упрямаго, смѣлаго, непокорнаго на кануи казни — потомъ петля, двѣ, три конвульсїи и передъ Николаемъ Ильичемъ было холодное бездыханное, ко всему равнодушное тѣло. Это ему даже понравилось. Такая власть! — Вотъ, подумалъ онъ, — такую власть, такую силу имѣть, тогда можно устроить земной рай, тогда можно проновѣдывать братство и равенство и сковырнуть всѣ предрассудки современнаго общества. Онъ думалъ, какъ это устроить, умъ его мучился, но пережитки стараго, глухой голосъ умирающей совѣсти мѣшали ему оформить и вылить въ систему то, что онъ думалъ.

Онъ мало съ кѣмъ общался и говорилъ и мысли его никому не были извѣстны. Какъ же удивило его одно явленіе, оставившее въ немъ неизгладимый слѣдъ. Ему было около сорока пяти лѣтъ. Онъ былъ лысъ и сѣдъ, косматя брови шли вверхъ надъ узкими косыми глазами, лобъ покрывали глубокия морщины. Громадный упрямый черепъ нависъ надъ тусклыми и вялыми глазами. Большая, плотоядная, нижняя челюсть оканчивалась ма-

ленькимъ подбородкомъ, на которомъ росла клычущимъ жидкая сѣдая борода. Онъ былъ безобразенъ. Его лицо отталкивало, взглядъ презрительно насмѣшливый холодилъ всякаго говорившаго съ нимъ, ни одна женщина никогда не любила его. Онъ жилъ въ богатой виллѣ, онъ могъ имѣть все, что захочетъ, — онъ питался кое какъ и если бы не сестра его Надежда Ильинишна, которая ходила за нимъ — онъ голодалъ бы. Спалъ онъ на жесткой узкой грязной постели, одѣвался неряшливо. Его считали чудакомъ, полуномѣшаннымъ, его боялись и не любили. Это было ему все равно. Чѣмъ меньше его любили, тѣмъ больше онъ презиралъ и ненавидѣлъ людей. Въ его мозгу создавался громадный планъ социалистическаго общества, устройства жизни людей по новому и для этого плана ему нужны были жертвы, но онъ боялся крови.

Въ эту пору колебаній и сомнѣній случилось то, что окончательно опредѣлило весь дальнѣйшій его жизненный путь и программу его дѣятельности. Это было въ 1914 году. Былъ такой же теплый ясный солнечный вечеръ, какъ и теперь. Синее небо отражалось въ озерѣ, и въ озеро опрокинулись своими отраженіями розовыя горы. Въ отелѣ играла музыка, слышались людскіе голоса, смѣхъ, тамъ шла жизнь. Николай Ильичъ забрался въ чужой садъ и утолялъ свою жажду вишнями. Его выгнала оттуда толстая грубая швейцарка и онъ шелъ къ озеру сопровождаемый ея ругательствами.

Дойдя до берега онъ остановился. Онъ былъ чуждъ красотѣ природы, потому что не вѣрилъ въ Бога и не понималъ красоты и гармоніи міра, но и его поразило величіе уснувшаго озера. Оно было тихо и горѣло красными красками заката. Далеко въ глубинѣ его отразился цѣликомъ розоватый Pilatus. Онъ манилъ наверху своею недостижимою вышиною, внизу, въ отраженіи озера, своею таинственною глубиною. Пестрые камешки тихо шеле-

стѣли отъ набѣгавшей волны. Прибрежная ива шумѣла длинными листьями. Въ полуверстѣ играла музика и раздавались голоса изъ богатаго отеля, здѣсь было тихо.

Что то толкнуло Николая Ильича. Ему показалось, что должно что то случиться. Онъ посмотрѣлъ на воду, видѣлъ, какъ темнѣла она въ глубинѣ, становилась зеленой и въ ней исчезали камни. Николай Ильичъ чувствовалъ что его воля поддается чужому вліянію, что кто то властно овладѣваетъ имъ. Первый разъ затуманенный мозгъ его воспринялъ чувство страха. Онъ поборолъ себя и гордо и презрительно обернулся. Кругомъ было такъ тихо, что онъ слышалъ, какъ въ двадцати шагахъ отъ него пробѣжала собака по шоссе, никто не могъ подойти къ нему незамѣтно, а между тѣмъ въ двухъ шагахъ сзади него стоялъ человекъ и пристально смотрѣлъ на него. Это былъ худощавый, высокій старикъ еврей съ сѣдой бородой, доходящей до груди. Одѣтъ онъ былъ въ длинный черный сюртукъ. Руки его были сложены на груди, голова опущена и только взглядъ его темныхъ глазъ былъ устремленъ на Николая Ильича. Откуда взялся онъ и что ему отъ меня нужно, подумалъ Николай Ильичъ, и посмотрѣлъ на еврея. Онъ хотѣлъ заговорить, но еврей предупредилъ его, протянувши руки и приглашая молчать и слушать.

— Я знаю васъ, — сказалъ онъ, глухимъ голосомъ, идущимъ изъ самаго нутра. — Мы долго думали о васъ, совѣщались, и рѣшили, что это будете вы, которому мы поручимъ свое великое дѣло.

— Кто это мы?, спросилъ Николай Ильичъ.

— Этого знать не дано непосвященнымъ. Мы, сила великая. Мы — побѣда надъ міромъ.

— А для чего побѣда?

— Чтобы все разрушить и снова создать, — сказалъ глухо старикъ.

— Я это знаю. Но какъ?, сердито спросилъ Николай Ильичъ.

— Дѣйствіемъ. — сказалъ выразительно старикъ.

Николай Ильичъ презрительно передернулъ плечами.

— Люди — животныя, имѣющія видъ человѣка для лучшаго служенія и большей славы Израиля, ибо не подобаеъ сыну цареву, чтобы ему служили животныя во образѣ животныхъ, но животныя во образѣ человѣка — такъ говоритъ Мидрашъ Тальпютъ, — сказалъ старикъ.

— Это вѣрно, сказалъ Николай Ильичъ, но я не израиль.

— Возвысья и стань, какъ Израиль. По заслугамъ воздастся тому, кто въ силахъ освободиться отъ враговъ еврейства. На вѣки прославится тотъ, кто съумѣетъ набавиться отъ нихъ и сокрушить ихъ — такъ сказано въ Зогарѣ.

— А какъ сокрушить ихъ? — спросилъ Николай Ильичъ.

— Борисъ.

— Халдейская мудрость! — презрительно сказалъ Николай Ильичъ, — таинственныя заклинанія, масонскія ложи, черная месса, все это слышали мы, но я то не очень склоненъ вѣрить всему этому.

— Увидите и увѣруете.

— Если увѣрывать въ злого духа, то придется увѣрывать и въ Бога. А это... — это я уже пережилъ и передумалъ. Бога нѣтъ.

— О Богѣ я не говорю. Я говорю о побѣдѣ надъ міромъ. Воюй съ обществомъ людей, не покладая рукъ, пока не установится должный порядокъ, пока всѣ земные народы не станутъ рабами твоими. Такъ писано въ Зогарѣ.

— Кабалистика, — сказалъ Николай Ильичъ, но честолюбіе его было задѣто. Ему показалось, что то, что говоритъ ему незнакомый еврей куда выше и умнѣе, нежели — «долой самодержавіе».

— Хорошо. Но чтобы бороться нужно имѣть силу.

— Силу?, спросил старикъ и тихо сталъ отходить отъ озера. — Силу? — уже издали сказалъ онъ. — Лучшаго изъ гоевъ умертви, лучшей изъ змѣй раздроби мозгъ — такъ говоритъ Мехильта. — Справедливѣйшаго изъ безбожниковъ лишн жизни — такъ говоритъ Софоримъ.

Старикъ уже шелъ по шоссе къ мѣстечку. Лучи заходящаго солнца заливали его краснымъ блескомъ и казалось, что струи крови текутъ по его бородѣ. Онъ остановился и вдругъ грубо и громко захохоталъ. Такъ не соответствовалъ этотъ смѣхъ его тихому глухому голосу, его величавой библейской осанкѣ, что Николай Ильичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Я пришлю къ вамъ учителя. Изъ нашей лжи. Ему вѣруйте, — крикнулъ старикъ.

Онъ повернулъ въ проулокъ селенія и оттуда сказалъ грубымъ жесткимъ громкимъ голосомъ: — и, если вошь кричитъ въ твоей рубашкѣ, возьми и убей! Убей!... Убей!... такъ говоритъ Ропшинъ въ своемъ «Конѣ блѣдномъ»... Убей!

Николай Ильичъ бросился за нимъ. На углу переулка до него дошли слова — «увидишь и больше!» Но, когда онъ вошелъ въ переулокъ, то тамъ никого не было. Ни ребенка, ни собаки, ни старика, ни женщины съ вязаньемъ никого не было въ переулкѣ, залитомъ закатными кровавыми лучами солнца.

Николай Ильичъ едва не сказалъ: — съ нами крестная сила!, до того поразило его это явленіе, но вспомнилъ, что не вѣруетъ во Христа и сталъ недоумѣнно озираться.

II.

Старикъ сдержалъ обѣщаніе. Онъ прислалъ учителя. Въ этомъ не старомъ еврей, присяжномъ повѣренномъ, ничего не было таинственнаго. Средняго роста, вертлявый, нервный, любящій позы, рыже-

ватый еврей Стоцкій, Левъ Давидовичъ, любилъ пожить, покушать, поухаживать, былъ сладострастенъ не въ мѣру, доходилъ до садическихъ эксцессовъ, былъ влюбленъ въ самого себя и по глубинѣ и настойчивости мысли былъ много ниже нежели Николай Ильичъ. Но у него было то, чего не хватало Бурьянову. Николай Ильичъ въ своихъ размышленіяхъ доходилъ до дѣйствія и останавливался. Онъ не зналъ, какъ преодолѣть преграду. Стоцкому, ничто не было трудно.

Забравшись въ кабинетъ къ Бурьянову и потребовавши себѣ коньякъ, Стоцкій разрѣшалъ всѣ недоумѣнія Бурьянова.

— Чтобы добиться равенства, — говорилъ медленно и упрямо Бурьяновъ, глядя косыми глазами на Стоцкаго, надо сравнять общество, надо убрать сословныя перегородки, надо до нѣкоторой степени уничтожить культуру. Начнемъ сверху: — мы убираемъ власть. Но какъ?

— Чикъ — чикъ... И власти нѣтъ. Очень просто. Мы поставимъ громадную электрическую гильотину на большой площади и отрубимъ всѣ непокорныя головы, начиная съ царской.

— Откуда возьмемъ силу, товарищъ?

— Голодъ дастъ намъ толпу, толпа дастъ силу.

Надо все то, что составляетъ цѣлность и смыслъ жизни взять въ свои руки: вотъ и все. Право жизни и смерти — разъ, — распредѣленіе хлѣба — два, ничего своего, потеря собственности, три. Все наше. Все. Мы говоримъ, что все принадлежитъ обществу, народу, но все возьмемъ себѣ и станемъ всеильными. Когда мы возьмемъ на себя право жизни и смерти мы получимъ возможность заставить повиноваться себѣ большинство.

— Терроръ?, спросилъ Николай Ильичъ.

— Кровавый, небывалый терроръ, товарищъ. Съ этого начнемъ.

— Когда?

— Это трудно сказать. Надо, чтобы народы устали повиноваться своимъ владыкамъ. Нужна война. Война научить людей презирать жизнь, научить убивать. Далѣе: уничтожить все, что привязываетъ людей къ жизни. Любовь? Но я беру и надругиваюсь надъ предметомъ вашей страсти и предлагаю вамъ сдѣлать тоже самое. Помните «Бездну» Леонида Андреева. А? Сладострастно про-смакованная штучка? Неправда-ли? Наша интеллигенція готовить намъ дорогу. Пойдемъ, товарищъ, по готовому, гладкому пути. Плевать на все! Вы помните, какъ слюнявые гимназисты, захлебываясь читали «Бездну» и кое кого «Бездна» увлекла. А? Помните «огарочниковъ» 1905 года, помните этихъ блѣдныхъ дѣвушекъ съ подписанными вѣнками, которыя отдавались направо и палѣво, а потомъ гордо уходили изъ жизни? Съ этого начнемъ. Святого чувства любви нѣтъ. Есть похоть, есть самецъ и самка. *Vouslez vous — je vous prie* — коротко и ясно. Такъ во всемъ, въ пѣсняхъ, въ стихахъ, въ прозѣ, въ музыкѣ. Отъ «Крейцеровой сонаты» Толстого, къ «Безднѣ» Леонида Андреева, къ «У послѣдней черты» и «Санину» Арцыбашева — вы видите, большая часть работы уже сдѣлана. Чистоты нѣтъ, канва готова, надо вышивать узоръ. Нѣтъ любви, не будетъ и семьи, да-съ, товарищъ. Надо перейти и это.

— Согласенъ, — сказалъ Николай Ильичъ.

— И это уже почти готово. Школа разбила семью.

— Религія, — проговорилъ Николай Ильичъ.

Стоцкій засвисталъ.

— Это то менѣ всего опасно. Кто теперь вѣрить? Храмы пустѣютъ. Туда ходятъ одни старушки, священники сами ни во что не вѣрятъ. Да и тутъ, и тутъ — смѣло, нагло покажите, что все обманъ. Откройте мощи, надругайтесь надъ иконами. Валяйте ва-банкъ.

— Полиція не позволитъ.

— Долой полицію! На гильотину ее, товарищъ.

— Печать?

— И печать долой. Свобода печати, товарищъ, есть буржуазный предразсудокъ. Печать должна быть только наша.

— Я объ этомъ думалъ давно. Свобода должна быть только у вождей, но не у народа. Народу долженъ быть данъ лишь призракъ свободы, я объ этомъ давно думалъ, Левъ Давидовичъ, но я никогда не могъ додуматься, какъ лишитъ народъ свободы, обѣщая дать ее ему. Вотъ, гдѣ была у меня остановка.

Стоцкій посмотрѣлъ на Бурьянова и покачалъ головой. Онъ всталъ съ кресла, стоя выпилъ рюмку коньяку и сказалъ:

— Опять ваша сестрица водою коньякъ доливала. Эхъ! Ужъ эта ея скарედность. — Легче всего, товарищъ, это сдѣлать. Передъ нами многовѣковой опытъ обузданія народной свободы и подчиненія народа, передъ нами не *tabula rasa*, но исписанныя страницы исторіи. Возьмемъ готовое.

— Что же, — брезгливо морщась проговорилъ Бурьяновъ, — полиція, армія, судъ, казни, жандармы?

— Зачѣмъ, зачѣмъ, товарищъ. Это все испугаетъ народъ. Надо все новое, новыя слова. Придетъ время, справимся и съ этимъ, это уже подробность.

— Но гдѣ мы найдемъ людей, готовыхъ исполнять наши приказы?

— Вотъ это, товарищъ, самое простое. У насъ, въ Россіи, говорятъ: было бы болото, а черти найдутся, я вамъ скажу — была бы власть, а подлизы и подхалимы найдутся. Прикормимъ. Помните одно, что человекъ самое подлое животное въ мірѣ, а Русскій особенно. Не только найдутся, но руки намъ цѣловать будутъ и славословить будутъ.

— Чернь, простой народъ, — устало сказалъ Бурьяновъ.

— Профессора, ученые, вельможи, князья, артисты, писатели — убѣжденно сказалъ Стоцкій. — Дайте намъ только поработать, только отвести подальше христіанскую мораль и все полетитъ кувыркомъ. Дайте намъ разбить людей по партіямъ и перессорить партіи между собою, и тогда все будетъ готово.

— Кто вы такой? Откуда у васъ такая увѣренность? Кто тотъ старикъ, котораго я видалъ третьяго дня на берегу озера и который непонятнымъ для меня образомъ исчезъ?

— Отвѣчу на все, насколько могу. Я присяжный повѣренный Стоцкій. Я жидъ. Жидъ, которому въ гимназій сосѣди складывали уголь полы мундира и показывали свиное ухо, котораго пресѣдовали въ университетѣ, котораго на Невскомъ, во время демонстрацій, казакъ избилъ пагайкой, которому постоянно грозили чертою осѣдлости, ... но не довольно ли? Я поклялся, что будетъ день, когда молодежь, студенты и гимназисты будутъ восторженно привѣтствовать меня и носить на рукахъ. Будетъ день, когда казаки будутъ повиноваться мнѣ и станицы изберутъ меня своимъ почетнымъ казакомъ. Будетъ день, когда мы съ вами, товарищъ, станемъ царями вселенной!

— Почему вы и меня привлекаете? — спросилъ Николай Ильичъ, и Стоцкій замѣтилъ, что маленькіе глазки его заблестали удовольствіемъ.

— Вы намъ нужны, какъ знамя, какъ воплощенная идея социализма, какъ человекъ, у котораго, что ни фраза, то формула. Но, погодите, товарищъ, — прихлебывая коньякъ и блестя глазами воскликнулъ Стоцкій, — дѣвушки лучшаго общества будутъ приходить ко мнѣ и отдаваться мнѣ, а я буду терзать и мучить у нихъ на глазахъ ихъ братьевъ и жениховъ!

— Это мнѣ правится, — сказалъ Бурьяновъ, — это идейное сладострастіе. Это не развратъ, а что то высшее.